

БИБЛИОТЕКА ДЕТСКОГО САДА

МИХАИЛ ФИШЕЛЬМАН

МУДРЫЙ ЛЕВ И КОВАРНЫЙ ВЕРБЛЮД

Михаил Фишельман
Мудрый лев и
коварный верблюд
Серия «Библиотека детского сада
(Интернациональный Союз писателей)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42330634

*М. Фишельман. Мудрый лев и коварный верблюд: Интернациональный
Союз писателей; Москва; 2019*

ISBN 978-5-00153-036-7

Аннотация

Дорогие мои читатели! Эта книга, вроде бы, о зверях: львы, верблюды, ослы... Но, на самом деле, она о нас и для нас – людей. То что происходит со зверями в этой книге, всё это, касается и нас с вами. От того как мы, взрослые и вы дети относимся к земле (не зря называемой «Земля-матушка»), к растениям, животным, птицам, рыбам и даже насекомым, зависит благополучие и жизнь человека на земле. Учёные усиленно ищут далёкие планеты, на которых мог бы жить землянин. Зачем? Любите свою Планету-Земля! Берегите Её, ухаживайте за Ней. Здесь всем хватит места при достойном отношении к Ней. Дорогие мои читатели: читайте, думайте и получайте удовольствие! С уважением, автор.

Михаил Фишельман

Мудрый лев и коварный верблюд

© Михаил Фишельман, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

Фишельман Михаил Григорьевич, родился в Карелии 13 апреля 1936 г. В 1944 г. оказался в г. Ростове-на-Дону, куда перевели отца с фронта. Здесь, в Ростове-на-Дону, и прошла моя жизнь. Окончил школу и Ростовский-на-Дону институт сельскохозяйственного машиностроения. По рас-

пределению работал три года в г. Орске Оренбургской области. В 1963 г. вернулся в Ростов-на-Дону.

В ростовских газетах «Вечерний Ростов» и «Комсомолец» публиковал фото и стихи. В частности, опубликовал фото первых кубинцев, которые прибыли в Ростов для получения рабочих специальностей.

Выйдя на пенсию, в 1996 г. репатриировался в Израиль с женой Евгенией и сыном. В Израиле опубликовал две небольшие книжки: «Записки инженера советского периода» и «Вера, право выбора, парадокс мировой истории». Подготовил к изданию книгу стихов, написанных в основном в Израиле. В Санкт-Петербурге проживает дочь Марина с семьёй – мужем и двумя детьми, нашими внуками.

Давным-давно жил на нашей прекрасной земле лев. И была у него большая и дружная семья. Потому что наш лев был заботливым, весёлым и смелым главой семейства. И было это в те давние времена, когда все звери строго соблюдали законы, установленные Всевышним для каждого из них, и когда земля наша была ещё прекраснее: в Кинерете вода переливалась через края берегов, а рыба играла и, выпрыгивая из воды, сама попадала в лодки рыбаков. Густые леса покрывали горы и холмы, и было на деревьях столько плодов, что большую их часть не успевали снять, и они зрели и истекали на землю сладким мёдом. А у тучных коров, овец и коз молоко сочилось из вымени и тоже капало на землю. И всем было понятно, почему Всевышний назвал нашу землю теку-

щей молоком и мёдом. И в те же времена на приличном отдалении от нашей прекрасной земли, в пустыне, жил верблюд. Когда Всевышний осматривал своё творение, пустыня, прекрасная в своём роде, показалась Ему слишком пустынной и скучной, и Он создал верблюда, хорошо приспособленного для жизни среди песков, барханов и колючек. Ведь верблюд с удовольствием ест эти колючки, а воду носит в своих горбах на спине, поскольку колодцы с водой отстоят друг от друга на очень большом расстоянии. Никто в мире не может чувствовать себя так хорошо в пустыне под ярким жгучим солнцем, как верблюд. А именно у этого верблюда, которого звали Тафа, в отличие от его сородичей, был очень плохой характер. Он носился по пустыне, вместо того чтобы плавно и достойно перемещаться по ней, качаясь, как корабль на лёгкой волне. Приставал ко всем и каждому с ненужными разговорами, задевал и не к месту мог обидеть любого. Он уводил с проторённых троп незнакомых с ним верблюдов в места, от которых до ближайших колодцев нужно было идти много-много дней. Он не обзавёлся семьёй, потому что из-за своего характера сам не мог ужиться с кем-либо и другие были не в состоянии его переносить. В конце концов он настолько всем надоел, что на Совете всех верблюдов было решено изгнать его из их родной пустыни. Это решение Совета верблюдов сильно разозлило Тафа. И он без сожаления покинул свою родину и ушёл куда глаза глядят. Ведь он думал, что вся земля, как и его родина, пустыня, и нисколько не боялся. Но

очень скоро понял, как сильно он ошибался. Как только он удалился от центра пустыни на приличное расстояние, стал замечать изменения, происходящие вокруг него. Появились невиданные им растения, и даже такие, которые были выше него, верблюда. По земле сновали мелкие и крупные животные, совсем непохожие на змей пустыни – ползучих тварей. Они бегали, прыгали, залезали на высокие растения, порой и пугали неслыханными им криками. И не раз приходилось ему убегать от них и прятаться в густых зарослях, обдирая бока и раня ноги. Всё меньше и меньше находил он любимых колючек, а воды было так много в ручьях, речках и озёрах, что его даже мутило от одного её вида. Деревья отбрасывали на землю густую тень, непривычную для него, в которой можно отдыхать в жаркий полдень, а ночи не были такими холодными, как в пустыне. От всей этой красоты и изобилия Тафа заболел и, наверное, умер бы вскоре, если бы не его дальний родственник – осёл. Осёл жил на западной границе Иудейской пустыни, недалеко от того места, куда забрёл Тафа. Пустыня эта примыкала к той земле, в которой жила большая и дружная семья льва. Эта пустыня не была такой суровой, то есть жаркой и сухой, как та, из которой пришёл Тафа. Осёл – а звали этого осла Гефрит – пожалел верблюда, своего дальнего родственника, и отвёл его в то место, где жил сам и жила его семья. Ведь он не знал, какой у Тафа вздорный характер, а если бы и знал – не оставлять же его, попавшего в беду! В почти привычной для него обстановке

Тафа быстро поправился и, конечно, из-за своего характера несколько не изменил свой образ жизни. Прежде всего он стал искать по всей Иудейской пустыне своих братьев-верблюдов, ведь ему очень хотелось устроить им какую-нибудь гадость. «Из-за того, что они изгнали меня, я так настрадался и чуть не умер!» – твердил он постоянно Гефриту. Благо, что осёл никак не реагировал на выходки непоседливого Тафа. И это понятно: те, кто хоть немного знаком с ослом, знают, что более невозмутимого и выносливого животного, чем осёл, нет на свете. Если его не беспокоить, осёл будет часами стоять или лежать на солнцепёке, пережёвывая жвачку. А если беспокоить, как это постоянно делал Тафа, он будет так же молча пережёвывать свою жвачку, лишь изредка, когда уже совсем становится невмоготу, неожиданно, быстро перебирая своими тонкими ножками, перебежит на новое место в надежде, что Тафа от него отстанет. У спокойного, меланхоличного осла было большое преимущество (впрочем, как и у верблюда) перед другими животными: его обходили стороной хищные звери. То ли из-за его дурного запаха, то ли из-за его толстой шкуры, а может, просто вокруг было достаточно более приятных и вкусных животных. Уж так создан этот мир: раз ты хищник, то и питайся другими, более слабыми животными. А с другой стороны, страшно представить, что было бы на земле, если бы не было хищных зверей. Впрочем, что-то подобное и случилось на нашей земле, и об этом вы узнаете, если дочитаете эту сказку до конца. Только

невозмутимость и спокойствие Гефрита помогали ему переносить выходки Тафа. И при этом он даже пользовался иногда услугами последнего. Гефрит, как и все ослы, любил бананы – эту его слабость вскоре заметил и использовал в своих интересах Тафа. Гефрит очень любил бананы. Но, как известно, растут они довольно высоко от земли, и он не всегда мог дотянуться до них. И поэтому частенько обращался к Тафа, который был почти в три раза выше, если учесть его длинную шею. Он доставал гроздь бананов на любой высоте и легко обрывал её. На появление верблюда вблизи владений львов глава семейства не обратил никакого внимания, а тем более и все остальные львы, львицы и их львята. Ни внешний вид, ни запах совершенно не привлекали их внимание к нему. Да и Тафа так боялся этих грозных животных, что позволял себе только с почтительного расстояния наблюдать за жизнью семейства. А посмотреть было на что... Днём, когда солнце подбиралось к зениту, всё семейство перебиралось под густые кроны деревьев, и в тени, которую те щедро отбрасывали на землю, львы, львицы и львята разного возраста и размера располагались в самых живописных позах. При этом львята поменьше и самые маленькие резвились совершенно как котята, не стесняясь задевать старших и порой получая хорошие затрещины. Ведь взрослые львы и львицы ночью охотились, заботясь о том, чтобы вся большая семья была сыта. И днём им просто необходим был отдых. Львята постарше устраивали турниры... Они с самым серьёзным

видом набрасывались друг на друга, устраивая свалки, и их тела так переплетались в жёлто-серые копошащиеся холмики, что ни одна мама-львица не смогла бы найти, а тем более вытащить из этой кучи своего львёнка. Устав от этой «жестоккой» борьбы, в которой, конечно же, никто не пускал в ход свои острые когти и крепкие зубы, львята расползались в разные стороны и моментально засыпали. А порой, усталые и довольные, они так и засыпали друг на друге, не обращая никакого внимания ни на жаркий летний воздух, ни на горячие тела своих братьев, окружающих их. Тафа никогда не видел, как охотятся львы. Во-первых, он просто боялся, хотя уже понимал, что львы и не думают на него нападать. Во-вторых, это происходило либо в предвечернее время, либо ночью. А в это время он отправлялся в одно из выбранных им мест, где и устраивался на ночлег. Ему вполне хватало тех воплей и топота, слышимых за много километров, которые заставляли его вздрагивать и крепче прижиматься к ещё не остывшей земле. Но как трапезничали львы, ему не раз удавалось подсмотреть. Сначала ели взрослые львы и львицы, а потом уже львята постарше и самые маленькие, для которых эта трапеза была той же игрой. Ведь они ещё питались молоком матери, а участие в трапезе приучало их к виду поверженных животных и запаху мяса. Смешно наблюдать, как малыши крутились вокруг жертвы, мотали головами, падали и пытались изо всех сил оторвать кусочек мяса, что им, конечно, не удавалось. При этом они настолько вы-

мазывались, что их мамам приходилось подолгу вылизывать малышей. Мамы недовольно ворчали, но после сытной еды и в предвкушении сладкого сна они продолжали поочерёдно умывать малышей, иногда так и засыпая с высунутым изо рта красным и влажным языком. Эти картины благоденствия и умиротворения раздражали Тафа. И чем больше он наблюдал за дружной семьёй львов, тем больше росли в нём раздражение и неприязнь ко львам. Взрослые львы и львицы, окружённые многочисленными детьми, то бурно резвящимся, то отдыхающим в живописных позах в тени раскидистых деревьев, не имели никакого представления о тех чувствах, которые так часто овладевали верблюдом Тафа. Эти чувства – меланхолия, переходящая частенько в раздражительность, а затем и в злость, беспричинная тоска – происходили от его характера и от того образа жизни, который он выбрал сам. Одинокий и завистливый, Тафа любил только самого себя... Так и не найдя своих сородичей (конечно, если не считать его дальнего родственника Гефрита), Тафа, который не мог жить спокойно без того, чтобы не устраивать гадости кому-либо, решил, что пора заняться семейством львов. Конечно, ни одну голову в мире никто и никогда не назовёт умной, если она, вместо того чтобы думать о хорошем (о дружбе, о весёлых играх с товарищами, о помощи тем, кто попал в беду, или о помощи слабым и старым), думает только об одном: кому бы и как бы устроить гадость. Ведь даже родственник верблюда – осёл, хоть и очень упрямое живот-

ное, никогда и никому не делал ничего плохого. В его голове мысли перемещаются так медленно, что можно считать (и его поведение доказывает это), что их нет там совсем. Он может уснуть на ходу и, если его не остановить, сонный будет продолжать идти, пока не упрётся в дерево или, например, в... слона, который при этом крепко поддаст ему по одному месту и, возможно, всё-таки разбудит его. Но мы уже знаем, что Тафа – верблюд особенный. Именно поэтому его сородичи прогнали Тафа подальше от себя. Просто пристать ко львам или съесть всех окружающих животных, которые необходимы львам, он не мог. Такой фокус он проделал однажды на своей родине... Он съел все колючки вокруг места проживания его сородичей и, хотя после этого у него сильно раздулся и долго болел живот, а от колодца с водой он не мог отойти целый месяц, мысль о том, что его братья-верблюды вынуждены бродить по пустыне под жарким солнцем в поисках еды, почему-то радовала его и даже на некоторое время успокаивала боль в желудке. Вот таким был этот наш Тафа. Поэтому ему пришлось долго думать и соображать, как покрепче насолить львам, то есть испортить такую прекрасную их жизнь на земле, текущей молоком и мёдом. А если удастся его план, прогнать их большую семью и свободно разгуливать, поплёвывая в разные стороны. А это занятие – плевать – очень нравилось Тафа. Поскольку, кроме осла Гефрита и его сородичей, у Тафа друзей и знакомых больше не было, он и решил привлечь ослов к себе в помощники для выполне-

ния задуманного им плана. Потратив несколько недель на то, чтобы собрать ослов в западной части Иудейской пустыни, Тафа обратился к ним с речью: «Господа ослы! Вы любите подолгу стоять на одном месте и греться на солнышке, пережёвывая жвачку. Я, верблюд Тафа, расставлю вас в определённых мной местах и три раза в день буду приносить каждому по три банана. Вы же должны будете в течение некоторого времени стоять в указанных мной местах и ни в коем случае не покидать своё место». Так говорил Тафа, обращаясь к ослам, меланхолично дремавшим под тёплыми лучами ласкового солнца. И никто бы на свете не смог понять, слушают они Тафа или нет. А надо сказать, что в те давние времена ослов в Иудейской пустыне было очень много. Никакие хищники не охотились на них, и жизнь ослов превратилась в рай, можно даже сказать, в сплошной рай лентяев. И Тафа не сомневался: они будут долго стоять из-за своей лени и, конечно, ради бананов на тех местах, куда он их поставит. Сказано – сделано. И через некоторое время вокруг того места, где жило семейство львов, рядами неподвижно встали ослы, меланхолично пережёвывая свою жвачку. А между их рядами носился Тафа с гроздьями бананов. За день он так уставал, что с трудом добирался до своего ночлега и падал без сил. Присутствие ослов вначале совершенно не беспокоило львов. Стоят себе – и пусть стоят... Но вскоре тяжёлый дух от такого количества ослов, собравшихся в одном месте, накрыл всю долину. Он совершенно не беспокоил ослов,

но большинство других животных покинули это место. Для львов наступили тяжёлые времена... Во-первых, этот неприятный запах, а во-вторых, добывать пищу для всего семейства становилось всё труднее... Животные разбежались, а ослы упрямо стояли на своих местах. Всякие попытки львов разогнать упрямых ослов были безуспешны. Их, ослов, было так много, что отступивших Тафа тотчас заменял рядом стоящими. Целый год львы мужественно боролись и с ослами, и с голодом. В гневе они даже растерзали нескольких ослов, но результат оставался тем же: ряды, ряды и ряды ослов, тяжёлый, неприятный запах и отсутствие поблизости других животных. И львы не выдержали... Всё семейство собралось и покинуло землю, которая извечно была их родиной. Не спеша, с достоинством они двинулись в дальний и неизведанный путь. Взрослые львы окружали всё семейство, и при виде этого шествия всё живое разбегалось на их пути. Много ослов остались лежать растерзанными позади, и только один Тафа радовался и прыгал как ненормальный. Его коварный план удался... Теперь он может безбоязненно носиться где ему вздумается и плевать во все стороны без разбору. Надолго ли? И действительно... Не слыша более грозного львиного рыка, все звери осмелели и бродили где им вздумается. Щипали траву, объедали кустарники, а длинношеие жирафы умудрялись объедать даже кроны высоких деревьев. Прошло время, и вскоре Тафа стал замечать, что разные там буйволы, зебры, олени и лани, рогатые и безрогие стали всё больше

мешать ему бродить и плевать в разные стороны. Зверей этих становилось всё больше и больше. Ведь раньше, когда семейство львов жило на этой прекрасной земле, число всех других животных было почти постоянным, одинаковым из года в год. Теперь же, в отсутствие львов, они размножались и размножались, и нетрудно представить, что может и должно случиться в скором времени. И это случилось... Сначала размножившиеся звери съели всю траву, объели все кустарники и все кроны деревьев, а затем принялись и за обглоданные ветки и стволы деревьев. И всё, что было зелёным и цветущим на некогда прекрасной земле, погибло. Высохшие, голые кроны деревьев перестали отбрасывать на землю тень. Животным негде было укрыться в жаркий полдень, а реки, ручьи и озёра стали высыхать и превратились либо в болота, либо в бесплодные пески. Вместо зелёной травы, цветущих и плодоносящих деревьев и кустарников остались только дурнопахнущие болота с лягушками и злыми комарами и бесплодные степи и пески. От голода и болезней умерли все животные, и только Тафа уныло бродил в поисках колючек да кое-где невозмутимые ослы жевали свою жвачку. От скуки, уныния и тоски Тафа даже сделал попытку вернуться на свою родину, но его хорошо помнили и вновь изгнали. К тому же изменить свой характер он был не в силах. И Тафа вернулся туда, где из-за своего характера и своей собственной глупости натворил столько бед и несчастий. И ещё много-много лет он влачил своё жалкое существование

в одиночестве, среди разрушенной им природы, вспоминая то изобилие, от которого у него когда-то кружилась голова. Львы продолжали жить на далёкой чужбине, не забывая свою прекрасную родину и тоскуя по ней... И таким печальным оказался бы конец нашей сказки, если бы... Если бы в Великой Книге сказок было написано, что у этой сказки именно такой конец, к которому мы вместе пришли. То есть плохой. Но, к счастью, у этой сказки это вовсе даже не конец... У этой сказки есть продолжение, а вот у него, как нам кажется, вряд ли будет конец! Впрочем, давайте продолжим так, как указано в Великой Книге сказок. Разве могло быть так, что прекрасная земля, текущая молоком и мёдом, была создана Всевышним только для того, чтобы глупец вроде Тафа превратил её в безжизненную пустыню? Конечно нет! В том, что случилось на нашей прекрасной земле много-много лет назад, как ни покажется вам странным, были виноваты сами львы... Сытые и разнежившиеся, окружённые всеобщим почитанием, львы стали думать, что такая приятная и беззаботная жизнь будет у них всегда. Враги, которые всё-таки были у них, не были опасны. Например, гиены, напоминающие собак на длинных лапах, собирались в стаи и частенько отбирали у львов, особенно молодых, звериные туши. Но достаточно объединиться двум-трём львам во время охоты – и гиены, сколь бы много их ни было, никогда не рискнут подойти ко львам. Не было на нашей земле зверей, которых опасались бы львы. А в том, что случилось с их се-

мьей, были виноваты они сами. Всё чаще возникали стычки среди молодых львов, которые зачастую переходили в драки между группами взрослых. Дружба и взаимопомощь, ранее присущие семейству львов, всё более ослабевали. Молодые львы не слушали наставлений старших, нарушали правила охоты и вели себя так, как будто вообще не существовало законов, определяющих жизнь львов. Вместо коллективной охоты, обеспечивавшей достаточным количеством пищи всё семейство, многие из них стали охотиться одиночно и всё более отдалялись от семьи. Этот разлад в семействе львов и помог Тафа изгнать львов. Занятые внутренними раздорами львы не обратили должного внимания на хитрого Тафа, мелькавшего среди ослов. А ведь достаточно было изгнать со своей родины только одного верблюда Тафа – и ослы тотчас разбегутся и вернутся в Иудейскую пустыню. И так бы оно и случилось, если бы львы оставались дружной семьёй и не нарушали законы, установленные для них Всевышним. Но случилось так, как случилось... Хитрый Тафа одержал победу, не получив от этой победы ни радости, ни здоровья. А львы, живущие на чужбине, никогда не забывали свою прекрасную родину. Несколько раз посылали они разведчиков узнать о происходящем там. Всякий раз приносили разведчики плохие новости. Их земля, ранее текущая молоком и мёдом, цветущая и полная разнообразных зверей, всё более покрывалась болотами со злыми комарами и шумными лягушками, а местами пустыня всё более захватывала её. Вы-

носливые ослы – и те умирали, их становилось всё меньше, и даже Тафа сильно похудел. Ему приходилось подолгу бродить по опустошённой земле в поисках колючек и воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.